

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 88. «Душа не узнаёт прозрачные дубравы»

Выпуск № 416

Лариса Миллер

Любовь до гроба.
Жизнь до гроба.
Что дальше – сообщат особо.
И если есть там что-нибудь,
Узнаешь. А пока – забудь.
Забудь и помни только это:
Поля с рассвета до рассвета,
Глаза поднимешь – небеса,
Опустишь – травы и роса.

1980

Осип Мандельштам

Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес, вослед за Персефоной,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зелёной.

Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем,
И руки слабые ломают перед ней
С недоумением и робким упованьем.

Кто держит зеркальце, кто баночку духов, –
Душа ведь женщина, ей нравятся безделки,
И лес безлиственный прозрачных голосов
Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий.

И в нежной сутолке не зная, что начать,
Душа не узнаёт прозрачные дубравы,
Дохнет на зеркало и медлит передать
Лепёшку медную с туманной переправы.

1920, 1937

Георгий Адамович

Там солнца не будет... Мерцанье
Каких-то лучей во мгле,
Последнее напоминанье
О жизни и о земле.

Там солнца не будет... Но что-то
Заставит забыть о нём,
Сначала полудремота,
Полупробуждение потом.

Там ждёт нас в дали туманной
Покой, и мир, торжество,
Там Вронский встретится с Анной,
И Анна простит его.

Последние примиренья,
Последние разъясненья
Судеб, неведомых нам.

Не знаю... как будто храм
Немыслимо-совершенный,
Где век начнётся нетленный,
Как знать? Быть может, блаженный...

Но солнца не будет там.

Выпуск № 173

Марина Цветаева

Спаси Господи, дым!
– Дым-то, Бог с ним! А главное – сырость!
С тем же страхом, с каким
Переезжают с квартиры:

С той же лампою-вплоть, –
Лампой нищенств, студенчеств, окраин.
Хоть бы деревце хоть
Для детей! – И каков-то хозяин?

И не слишком ли строг
Тот, в монистах, в монетах, в туманах,

Непреклонный как рок
Перед судорогою карманов.

И каков-то сосед?
Хорошо б холостой, да потише!
Тоже сладости нет
В том-то в старом – да нами надышан

Дом, пропитан насквозь!
Нашей затхлости запах! Как с ватой
В ухе – спелось, сжилось!
Не чужими: своими захватан!

Стар-то стар, сгнил-то сгнил,
А всё мил... А уж тут: номера ведь!
Как рождаются в мир
Я не знаю: но так умирают.

1922

Лариса Миллер

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?
Почему не летишь, коли отперты все ворота?
Почему не идёшь по холмам и по чистому полю,
И с горы, что полога, и на гору, ту, что крута?
Почему не летишь? Пахнет ветром и мятой свобода.
Позолочен лучами небесного купола край.
Время воли пришло, время вольности, время исхода.
И любую тропу из лежащих у ног выбирай.
Отчего же ты медлишь, дверною щеколдой играя,
Отчего же ты гладишь постылый настенный узор,
И совсем не глядишь на сиянье небесного края,
На привольные дали, на цепи неведомых гор?

1972

Выпуск № 1139

Зинаида Миркина

И он придёт – конец мытарств и странствий,
Конец всех искажений и разрух.

И развернётся чистое пространство,
В котором веет жизнетворный Дух.
Нет, вовсе не разверзнутся могилы
– О пройденном, о прошлом – не молись!
Но Он дохнёт с такою полной силой,
Что сдует смерть и будет только жизнь.

2001

Николай Гумилёв

Видение

Лежал истомлённый на ложе болезни
(Что горше, что тягостней ложа болезни?),
И вдруг загорелись усталые очи,
Он видит, он слышит в священном восторге –
Выходят из мрака, выходят из ночи
Святой Пантелеймон и воин Георгий.

Вот речь начинает святой Пантелеймон
(Так сладко, когда говорит Пантелеймон):
"Бессонны твои покрасневшие вежды,
Пылает и душит твоё изголовье,
Но я прикоснусь к тебе краем одежды
И в жилы пролью золотое здоровье".

И другу вослед выступает Георгий
(Как трубы победы, вещает Георгий):
"От битв отрекаясь, ты жаждал спасенья,
Но сильного слёзы пред Богом неправы,
И Бог не слышал твоего отреченья,
Ты встанешь завтра, и встанешь для славы".

И скрылись, как два исчезающих света
(Средь мрака ночного два яркие света),
Растущего дня надвигается шорох,
Вот солнце сверкнуло, и встал истомлённый
С надменной улыбкой, с весельем во взорах
И с сердцем, открытым для жизни бездонной.

1916

Выпуск № 945

Марина Цветаева

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Всё – снег, всё – смерть, всё – сон.

На кустах серебряные стрелы.
Было у меня когда-то тело,
Было имя, – но не всё ли – дым?

Голос был, горячий и глубокий...
Говорят, что тот голубокий,
Горностаевый ребёнок – мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

1916

Зинаида Миркина

Чакона

Всё глубже... глубже... глубже... – Путь
Сквозь океан... Жизнь тоньше нити.
Забудь о берегу, забудь
О доме, кровле, о защите.

Всё тоньше... тоньше... И – обрыв
В кромешный мрак. Здесь свет не брызнет.
Здесь всё мертво. Но ты ведь жив.
Ты стал сейчас самую жизнью.

Нащупав мировое дно,
Ты открываешь вдруг за смертью
То сердце, что на всех – одно.
Сквозь наше сердце – снова сердце.

Моё? Твоё? О, этот труд
Бесмысленный, всегда напрасный. –

Сердца отдельные – умрут,
А Это – смерти неподвластно.

И всё-таки оно – твоё,
Моё... Единое, как купол.
Ты не нашёл Его краёв,
И всё же ты Его нащупал.

В нём нету ни одной стены,
Оно воистину открыто.
Не испугайся глубины,
И – дрогнут каменные плиты.

И с места сдвинется гора
Неумолимого закона.
Уже ни «завтра», ни «вчера» –
Есть Дух бессонный и бездонный.

Тот, что крыла свои раскрыв,
Всех примет – верьте иль не верьте –
Вот Тот, кто неизменно жив,
Затем, что глубже царства смерти.

Выпуск № 230

Андрей Белый

Жалоба

Сырое поле, пустота,
И поле незнакомо мне.
Как бьётся сердце в тишине!
Какие хладные места!
Куда я приведён судьбой?..
В пустынный берег бьёт Коцит;
И пена бисерной каймой
В прибрежных голышах бежит.
Свежеет... Плещется прибой;
В кудрявой пене тёмных волн,
Направленный самой судьбой,
Ко мне причалил углый чёлн.

Меня влекут слепые силы
В покой отрадней хладных стран; –
И различаю сквозь туман
Я закоцитный берег милый.
Рыдают жалобные пени,
Взлетает гребень на волне,
Безгласные, немые тени
Протягивают руки мне.
Багровые лучи Авроры
Сурово озаряют твердь.
Уныло поднимаю взоры,
Уныло призываю смерть...

1909

Осип Мандельштам

Ты улыбаешься кому,
О, путешественник весёлый?
Тебе неведомые доли
Благословляешь почему?

Никто тебя не проведёт
По зеленеющим долинам,
И рокотаньем соловьиным
Никто тебя не позовёт, –

Когда, закутанный плащом,
Не согревающим, но милым,
К повелевающим светилам
Смиранным возлетишь лучом.

1909

Аполлон Майков

Ex tenebris lux*

Скорбит душа твоя. Из дня –
Из солнечного дня – упал
Ты прямо в ночь и, всё кляня,
За смертный взялся уж фиал...

Нет! Погоди!.. В ту тьму взглядишь:
Вон – огонёк блеснул... звезда...
Другая... третья... Вон – зажглись
Уж мириады... Никогда

Ты не видал их?.. Но постой:
Они бледнеть начнут – и тень
Пойдёт редеть – и над тобой
Внезапно развернётся день, –

Им осиянный, разом ты,
Уже измерив бездну зол,
Рванёшься в горни высоты,
Как солнца жаждавший орёл!

1887

* Свет из тьмы (лат.)

Выпуск № 495

Лариса Патракова

Собору Рождества Богородицы

На паперти, под ветра шум,
Перед знакомой дверью в рай,
С тревогой вещью прошу:
«Помедли, дверь не отворяй.

Войду, когда не станет сил
Земною музыкою жить...»
Но имя Гавриил спросил,
И невозможно отложить:

Пока сияет Деисус,
Пока за этой дверью свет,
Войду, и если не вернусь,
Не верь, что этой двери нет...

Александр Блок

Инок шёл и нёс святые знаки.
На пути, в желтеющих полях,
Разгорелись огненные маки,
Отразились в пасмурных очах.

Он узнал, о чём душа сгорала,
Заглянул в бледнеющую высь.
Там приснилось, ветром нашептало:
«Отрок, в небо поднимись.

Милый, милый, вечные надежды
Мы лелеем посреди небес...»
Он покинул тёмные одежды,
Загорелся, воспарил, исчез.

А за ним – росли восстаний знаки,
Красной вестью вечного огня
Разгорались дерзостные маки,
Побеждало солнце Дня.

1902

Выпуск № 1134

Бахыт Кенжеев

Что положить в дорогу? Лампу, хлеб, вино,
продолговатый меч нубийского металла,
и щит, и зеркальце, чтобы во тьме оно
отполированной бронзой сверкало,
чтобы, нахохлившись растерянной совой,
душа, проснувшаяся в каменных палатах,
легко и весело узнала облик свой
среди богов песьеголовых и крылатых.

Товарищ вольный мой, ну что ты отыскал
в удвоенных мирах и световодных войнах,
не трогая меча, не жалуя зеркал,
хрустальных, будущих, овальных, недовольных?
Уже вступает хор, а ты – солгал, смолчал,
и, обременена случайными долгами,

рука, подобная пяти ночным лучам,
обиженно скользит по тусклой амальгаме...

Зинаида Миркина

Войти туда, где нет как нет
Меня. – Совсем. – Не существую,
Но, Господи, откуда свет
Такой? И почему ликует
Душа, как будто бы она
На волю вырвалась из клетки?
Полным-полна, вольным-вольна
И за весь мир одна ответит.

Ни слова... Лишь древесный гул.
(А, может, ангельские хоры?)
Простор меня перечеркнул,
А я так счастлива простором!..

Так счастлива!.. Но, Боже мой,
Меня ведь нет... И всё же, всё же
Я стала как сосна немой,
Чтобы узнать: не быть не может
Меня. – Я есть! Повсюду – я.
Вселенский ветер смёл границы
И в том, что нет небытия
Душа способна убедиться
На опыте. – Во всём! Во всех –
И в небесах и в океане!
Так вот откуда этот смех
Над смертью! Это ликование!

Константин Бальмонт

От бледного листка испуганной осины
До сказочных планет, где день длинней, чем век,
Всё – тонкие штрихи законченной картины,
Всё – тайные пути неуловимых рек.

Все помыслы ума – широкие дороги,
Все вспышки страстные – подъёмные мосты,

И как бы ни были мы бедны и убоги,
Мы всё-таки дойдём до нужной высоты.

То будет лучший миг безбрежных откровений,
Когда, как лунный диск, прорвавшись сквозь туман,
На нас из хаоса бесчисленных явлений
Вдруг глянет снившийся, но скрытый Океан.

И цель пути поняв, счастливые навеки,
Мы все благословим раздавшуюся тьму,
И, словно радостно-расширенные реки,
Своими устьями, любя, прильнём к Нему.

Выпуск № 1340

Иннокентий Анненский

Аметисты

Глаза забыли синеву,
Им солнца пыль не золотиста,
Но весь одним я сном живу,
Что между граней аметиста.

Затем, что там пьяней весны
И беспокойней, чем идея,
Огни лиловые должны
Переливаться, холодея.

И сердцу, где лишь стыд да страх,
Нет грёзы ласково-обманней,
Чем стать кристаллом при свечах
В лиловом холоде мерцаний.

Осип Мандельштам

Когда мозаик никнут травы
И церковь гулкая пуста,
Я в темноте, как змей лукавый,
Влачусь к подножию Креста.

Я пью монашескую нежность
В сосредоточенных сердцах,
Как кипариса безнадежность
В неумолимых высотах.

Люблю изогнутые брови
И краску на лице Святых,
И пятна золота и крови
На теле статуй восковых.

Быть может, только призрак плоти
Обманывает нас в мечтах,
Просвечивая меж лохмотий,
И дышит в роковых страстях.

1910

Максимилиан Волошин

из цикла «Руанский собор»

Стигматы

Чья рука, летучая как пламень,
По страстным путям меня ведёт?
Под ногой не гулкий чую камень,
А журчанье вещей вод...

Дух пронзают острые пилястры,
Мрак ужален пчёлами свечей.
О, сердца, расцветшие, как астры,
Золотым сиянием мечей!

Свет страданья, алый свет вечерний
Пронизал резной, узорный храм.
Ах, как жалят жала алых терний
Бледный лоб, приникший к алтарям!

Вся душа – как своды и порталы,
И, как синий ладан, в ней испуг.
Знаю вас, священные кораллы
На ладонях распростёртых рук!

Смерть

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу, глубоко – в древнем храме
Вздох земли подьмет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

Под ногой сияющие грозди –
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры, – вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись, завеса в тёмном храме,
Разомкнись, лазоревая твердь!
Вот она, как ангел, над мирами,
Факел жизни – огненная Смерть!

1907

Выпуск № 4

Сергей Есенин

Колокольчик среброзвонный,
Ты поёшь? Иль сердцу снится?
Свет от розовой иконы
На золотых моих ресницах.

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы,
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

1917

Владимир Набоков

В Раю

Здравствуй, смерть! – и спутник крылатый,
объясняя, в рай уведёт,
но внезапно зелёный, зубчатый,
нежный лес предо мною мелькнёт.

И немой, в лучистой одежде,
я рванусь и в чаще найду
прежний дом мой земной, и, как прежде,
дверь заплачет, когда я войду.

Одуванчик тучки апрельской
в голубом окошке моём,
да диван из берёзы карельской,
да семья мотыльков под стеклом.

Буду снова земным поэтом:
на столе открыта тетрадь...
Если Богу расскажут об этом,
Он не станет меня укорять.

1920

Александр Блок

И Дух и Невеста говорят: прииди.
Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.

Всё дышавшее ложью
Отшатнулось, дрожа.
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа.

Заповеданных лилий
Прохожу я леса.

Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.

Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

1902

Выпуск № 362

Лариса Миллер

Это – область чудес
И счастливой догадки...
Капля светлых небес
Разлита по тетрадке.

Область полутонов
И волшебной ошибки,
Где и яви и снов
Очертания зыбки.

Область мер и весов,
Побеждающих хаос.
Это мир голосов
И таинственных пауз.

Здесь целебна среда
И живительны вести,
И приходят сюда
Только с ангелом вместе.

1990

Марина Цветаева

Только закрою горячие веки –
Райские розы, райские реки...

Где-то далече,
Как в забытьи,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева.
Царское древо
В круглом раю.

1917

Андрей Белый

Вещий сон

Струит ручей струи из бирюзы
Через луга и розовые мяты, –

В пустой провал пережитой грозы,
В осеребрённые туманом скаты.

Ручей, разговорись – разговорись!
Душа моя, развеселись: воскресни!

И вот – извечно блещущая высь!
И вот – извечно блещущие песни!

Старинный друг, освободи меня
Пылающей, пылающей судьбою.

Пылай во мне как... языки огня,
Пылай во мне: я полн судьбой – Тобою.

Прими меня: не отвергай! Я – здесь,
Друг сказочный, полузабытый, милый...

Как хорошо! И – блещущая высь!..
И – над душой невидимые силы!..

1909

Выпуск № 1054

Владимир Набоков

Живи, звучи, не поминай о чуде, –
но будет день: войду в твой скромный дом,
твой смех замрёт, ты встанешь: стены, люди
всё поплывёт, – и будем мы вдвоём...

Прозреешь ты в тот миг невыразимый,
спадут с тебя, рассыплются, звеня,
стеклом поблескивая дутым, зимы
и вёсны, прожитые без меня...

Я пламенем моих бессонниц, хладом
моих смятений творческих прильну,
взгляну в тебя – и ты ответишь взглядом
покорным и крылатым в вышину.

Твои плеча закутав в плащ шумящий,
я по небу, сквозь звёздную росу,
как через луг некошенный, дымящий,
тебя в своё бессмертье унесу...

1923

Александр Блок

Демон

Иди, иди за мной – покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Её бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный –
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовёшь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, –

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землёю кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры –
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнёшь ты: отпусти...
И, распутив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой,
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

1910

Выпуск № 120

Владислав Ходасевич

Друзья, друзья! Быть может, скоро –
И не во сне, а наяву –
Я нить пустого разговора
Для всех нежданно оборву

И, повинясь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Вдруг подниму на воздух руку,
И затрепещет в ней цветок,

И я увижу и открою
Цветочный мир, цветочный путь, –
О, если бы и вы со мною
Могли туда перешагнуть!

1921

Георгий Адамович

Чрез миллионы лет – о, хоть в эфирных волнах! –
Хоть раз – о, это всё равно! –
Померкшие черты среди теней безмолвных
Узнать мне будет суждено.

И как мне хочется – о, хоть бессильной тенью! –
Без упоения и мук,
Хоть только бы прильнуть – о, только к отраженью! –
Твоих давно истлевших рук.

И чтоб над всем, что здесь не понял ум беспечный,
Там разгорелся наконец
Огромный и простой, торжественный и вечный
Свет от слиянья двух сердец.

Осип Мандельштам

Ласточка

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Слепая ласточка в чертог теней вернётся,
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспомысленстве ночная песнь поётся.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветёт,
Прозрачны гривы табуна ночного.

В сухой реке пустой челнок плывёт,
Среди кузнечиков беспмятствует слово.

И медленно растёт как бы шатер иль храм,
То вдруг прокинется безумной Антигоной,
То мёртвой ласточкой бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зелёной.

О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд,
И выпуклую радость узнаванья.
Я так боюсь рыданья Аонид,
Тумана, звона и зиянья.

А смертным власть дана любить и узнавать,
Для них и звук в персты прольётся,
Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернётся.

Всё не о том прозрачная твердит,
Всё ласточка, подружка, Антигона...
А на губах, как чёрный лёд, горит
Стигийского воспоминанье звона.

1920

Выпуск № 546

Марина Цветаева

На назначенное свиданье
Опоздаю. Весну в придачу
Захвативши – приду седая.
Ты его высоко назначил!

Буду годы идти – не дрогнул
Вкус Офелии к горькой руте!
Через горы идти – и стогны,
Через души идти – и руки.

Землю долго прожить! Трущоба –
Кровь! и каждая капля – заводь.
Но всегда стороной ручьёвой
Лик Офелии в горьких травах.

Той, что страсти хлебнув, лишь ила
Нахлебалась! – Снопом на щебень!
Я тебя высоко любила:
Я себя схоронила в небе!

1923

Осип Мандельштам

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда,
Как нам велели пчёлы Персефоны.

Не отвязать неприкреплённой лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчёлы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина – дремучий лес Тайгета,
Их пища – время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок –
Невзрачное сухое ожерелье
Из мёртвых пчёл, мёд превративших в солнце.

1920

Выпуск № 1408

Михаил Лермонтов

Послушай, быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану! –
Клянися тогда позабыть, дорогая,

Для прежнего друга всё счастье рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне – вселенной!

1832

Алексей Толстой

В стране лучей, незримой нашим взорам,
Вокруг миров вращаются миры;
Там сонмы душ возносят стройным хором
Своих молитв немолчные дары;

Блаженством там сияющие лики
Отвращены от мира суеты,
Не слышны им земной печали клики,
Не видны им земные нищеты;

Всё, что они желали и любили,
Всё, что к земле привязывало их,
Всё на земле осталось горстью пыли,
А в небе нет ни близких, ни родных.

Но ты, о друг, лишь только звуки рая,
Как дальний зов, в твою проникнут грудь,
Ты обо мне подумай, умирая,
И хоть на миг блаженство позабудь!

Прощальный взор бросая нашей жизни,
Душою, друг, взглядишь в мои черты,
Чтобы узнать в заоблачной отчизне
Кого звала, кого любила ты,

Чтобы не мог моей молящей речи
Небесный хор навеки заглушить,
Чтобы тебе, до нашей новой встречи,
В стране лучей и помнить и грустить!

1856

Осип Мандельштам

Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,
С певучим именем вмешался,
Но всё растаяло, и только слабый звук
В туманной памяти остался.

Сначала думал я, что имя – серафим,
И тела лёгкого дичился,
Немного дней прошло, и я смешался с ним
И в милой тени растворился.

И снова яблоня теряет дикий плод,
И тайный образ мне мелькает,
И богохульствует, и сам себя клянёт,
И угли ревности глотает.

А счастье катится, как обруч золотой,
Чужую волю исполняя,
И ты гоняешься за лёгкою весной,
Ладонью воздух рассекая.

И так устроено, что не выходим мы
Из заколдованного круга.
Земли девической упругие холмы
Лежат спелёнутые туго.

1920

Выпуск № 282

Даниил Андреев

Мне радостно обнять чеканкой строк,
Как влагу жизни – кубком пира,
Единство цели, множество дорог
В живом многообразье мира.

И я люблю – в передрагасветный миг
Чистейшую, простую негу:
Поднять глаза от этих мудрых книг
К горящему звездами небу.

Как радостно вот эту весть вдохнуть –
Что по мерцающему своду
Неповторимый уготован путь
Звезде, – цветку, – душе, – народу.

1935

Николай Гумилёв

Вечное

Я в коридоре дней сомкнутых
Где даже небо – тяжкий гнёт.
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду субботы из суббот.

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Всё, что дразнило, уловя,
Благославлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шёл со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток с моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всей вечной мудрости Земли, –
Положит посох, обернётся
И просто скажет: «Мы пришли».

1912

Константин Бальмонт

из цикла «Прогалины»

Лишь демоны, да гении, да люди,
Со временем заполнят все миры,
И выразят в неизреченном чуде
Весь блеск ещё не сившейся игры, —

Когда, уразумев себя впервые,
С душой соприкоснутся навсегда
Четыре полновластные стихии:
Земля, огонь, и воздух, и вода.

То будет таинственный миг примирения,
Всё в мире воспримет восторг красоты,
И будет для взора не три измерения,
А столько же, сколько есть снов у мечты.

То будет мистический праздник слияния,
Все краски, все формы изменятся вдруг,
Всё в мире воспримет восторг обаяния,
И воздух, и солнце, и звёзды, и звук.

И демоны, встретясь с забытыми братьями,
С которыми жили когда-то всегда,
Восторженно встретят друг друга объятьями, —
И день не умрёт никогда, никогда!